ПОЛНОЛУНИЕ

Так, сон во сне разыгрывая в лицах,
Из ничего рождаясь, из черна,
Вокруг себя вращается и длится
Не полная, но полая луна.
Ей чудится, что, вылетев из ульев,
Над нею звёзды делают круги:
Они горят – следы от поцелуев,
И холодеют сладко позвонки.
И в ней опять дрожит посередине
Всё тот же звук, один лишь звук пустой;
Ей светит – в наказанье за гордыню –
Избавиться от тяжести земной.

И по лицу её проскальзывают тени,
Приплясывают тени от теней
Случайной птицы, бабочки, растенья…
И ничего не оживает в ней.

* * *

И подумаешь: вот ты свободен,
Хоть, как стебель, надломлен и сник.
Но, наверное, Богу угоден
Даже слабый Его черновик.

В тишине растворяясь бессонной,
В полудрёму скатясь, в полуявь,
Вдруг почувствуешь взгляд благосклонный…
Только луч вертикальный направь.

ГОГОЛЬ

Нет, не идут слова-поводыри,
а, как интриги, медленно плетутся;
не светятся – сочатся изнутри
и озаряют голову безумца.

Сегодня не заснуть наверняка...
О, как вблизи ужасны эти лица!
Безжалостно прозрачная рука
зачёркивает плотные страницы.

К замочной скважине припал его двойник:
ему давно уже не любы люди,
он знает всё, что дальше с ними будет,
и в эту дверь он всё-таки проник.

Умчать в Италию – пугливо, налегке,
коль Петербург – ужо! – отпустит скоро.
И свет воды дрожит на потолке,
как тень бесшумная другого Ревизора.

КИЗИЛ

На зудящую кожу не падает тень
от изношенных солнцем стволов.
Зелена лишь тоска, да в кувшине ревень,
да заросшие скулы холмов.

Но собьёт меня с толку кровавый кизил,
его спрятанной свежести вкус.
Ты навеки когда-то
меня поразил,
в спелых каплях сияющий куст.

Потому что Спаситель увидел тебя,
потому что я скоро умру.
Всем известно давно,
кто пророс из копья –
тот бесстрашно стоит на ветру.

* * *

...и так легко – как шаг из тела...

забыться в два
проснуться в пятом
так душно мучили слова –
как будто на подушке смятой
уже чужая голова

они с тобой
играют в жмурки
шутя выводят на карниз –
и только мусор и окурки
плывут по набережной вниз

и тьма набита фонарями
чтобы не помнить поутру
где твой огонь
между огнями
горел на липнущем ветру

* * *

В. М.

Угрюм и странен человек –
но отразится свет
в глазах, утративших навек
свой первозданный цвет.

Бредёт домой навеселе,
поднимет воротник.
И мысли сохнут в голове,
как спутанный тростник.

Постылых истин отставник,
Бердяева знаток,
он жизнь свою, как стопку книг,
на свалку отволок.

Идёт теперь навеселе,
несёт в руке винцо.

И отражается в стекле
помятое лицо.

* * *

... как же страшно в середине февраля
выстывает ночью – стынет вся земля
то багровою подкатит темнотой
то во сне забрезжит зыбкою звездой

облака по небу гонят пастухи
подступают неотвязные стихи
белый ветер свищет рыщет как шатун
ах какой на этом свете колотун

нам бы солнца – хоть пунктиром хоть блесной
чтоб запахло всюду острою весной –
чтоб грачи в мечтах о воле и тепле
прилетели к нам уже навеселе